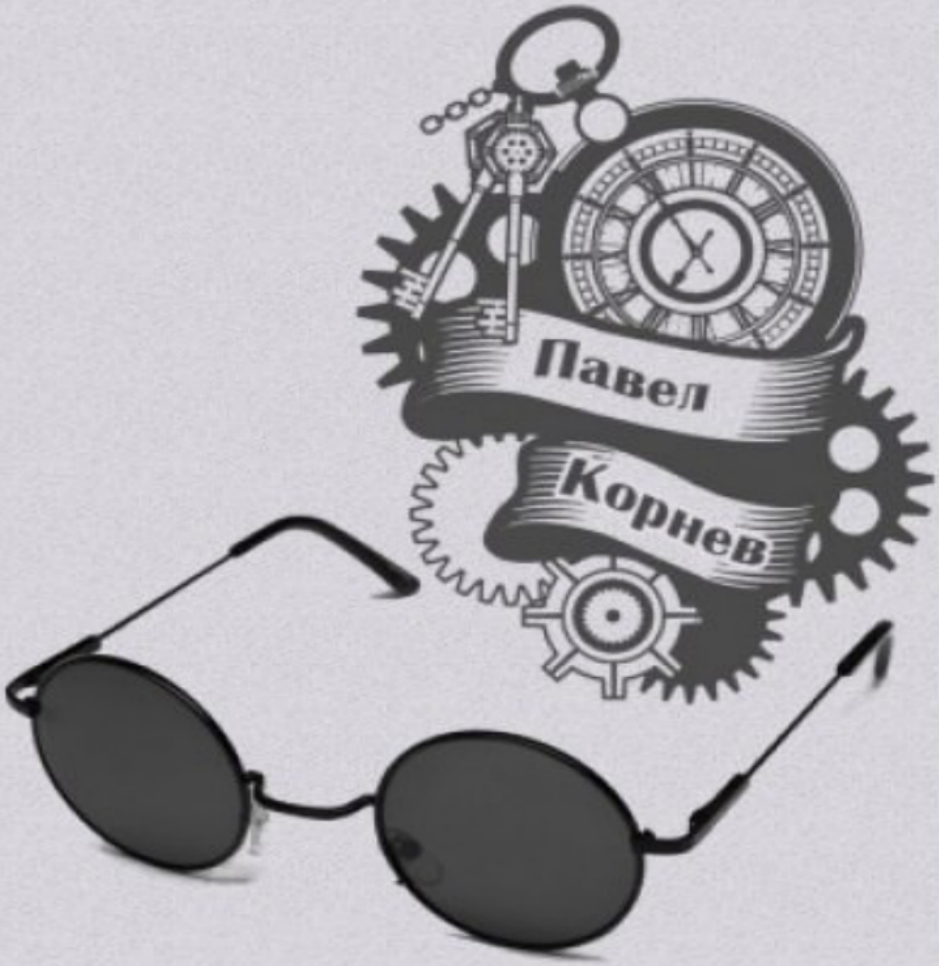

Дым, линзы и патентованный глушитель Максима

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Действие рассказа происходит в мире Всеблагого Электричества. Особых спойлеров в нём нет, но читать лучше всё же после ознакомления с дилогией Сиятельный/Бессердечный. Засветится пара старых персонажей и один новый. Просто история одного убийства и кое-что ещё.

- Дым, линзы и патентованный глушитель Максима
  -

Дым, линзы и патентованный глушитель Максима

Новый Вавилон — сердце мира и одновременно его ненасытное брюхо. Этот город беспрестанно прокачивает через себя людей и капиталы, не стесняясь облагать своей немалой данью и то, и другое. Столица Второй Империи впитывала могущество и власть будто губка; она давно превзошла по влиянию Рим эпохи рассвета и сделалась много величественней, чем когда-либо суждено стать Лондону, Парижу и городам-выскочкам Нового Света. Хватало в Новом Вавилоне и неприглядных, тёмных, пятен, но они не бросались в глаза, если только вы по тем или иным причинам не решились опуститься на городское дно.

Шон Линч разбирался в тёмных закоулках Нового Вавилона лучше многих, но при этом точно знал, что смерть может караулить где угодно: хоть в глухом переулке, хоть посреди площади императора Климента.

И всё же на деловую встречу в фешенебельный отель «Бенджамин Франклин» рыжеволосый ирландец явился безоружным. Люди его профессии не так уж редко покидали этот мир до срока, вот только Линч не мог припомнить случая, когда бы это случилось в ходе деловых переговоров. Если только в Новом Свете, гангстеры которого отличались определённой... несдержанностью.

Серьёзные люди по эту сторону Атлантики предпочитали держаться в тени и не привлекать к себе излишнего внимания властей. Они не пачкали рук сами, для разрешения неразрешимых противоречий привлекался Шон Линч и его коллеги.

Шон Линч был наёмным убийцей.

Ирландец спокойно пересёк вестибюль отеля, подступил к стойке портье, на шаг опередив одного из постояльцев, и негромко произнёс:

— К господину Витштейну, — а когда клерк открыл журнал, представился: — Линч. Шон Линч.

Портье отыскал фамилию в списке гостей и молча указал в сторону лифта. И точно так же, не задавая никаких вопросов, передвинул рычаг в крайнее положение оператор подъёмника.

Нет, они видели этого человека первый раз; дело было в пригласившем его на встречу постояльце. Вице-президент

банкирского дома Витштейна не первый год останавливался в императорских апартаментах отеля и щедро платил, требуя взамен лишь одного: беспрекословного выполнения своих распоряжений.

Этого человека он ждал. Этого человека к нему пропустили.

Когда кабина замерла на верхнем этаже, Шон Линч достал из левого кармана кожаный футляр, нацепил на нос очки с неброской оправой и тонкими линзами и лишь после этого шагнул в коридор.

Там его встретил крепкого сложения иудей, носатый и лысоватый, с топорщившимся из-за наплечной кобуры пиджаком. Охранник смерил гостя внимательным взглядом и указал на открытую дверь императорских апартаментов.

— Проходите, сиятельный.

Шон Линч слегка склонил голову и зашагал по красной ковровой дорожке, золочёное окаймление которой резало глаза своей вычурной безвкусностью. Небрежным кивком он поприветствовал хозяина — пожилого грузного господина в черной визитке и полосатых брюках, — встретившего гостя за чтением утренних газет, и на миг заколебался, решая, в какое из двух кресел опуститься. В итоге выбрал левое и стал разглядывать диптих «Штурм имения блистательного Рафаила» и «Император Климент повергает падшего». Живопись его не интересовала, просто требовалось отвлечься от покрывавшей мебель позолоты, из-за блеска которой заслезились глаза.

Авраам Витштейн поведению гостя нисколько не удивился. Иудей закрыл номер «Атлантического телеграфа», кинул газету на журнальный столик и спросил:

— Условия вас устраивают?

— Разумеется, — ответил Шон Линч и позволил себе лёгкую усмешку: — Я же здесь.

— Ну, конечно, — улыбнулся банкир. — Ну, конечно, — повторил он, заставив ирландца поёжиться.

Но волновался тот напрасно, раздражение банкира было направлено вовсе не на него. Иудей взял со столика блюдечко с кофейной чашкой и осторожно, чтобы не расплескать горячий напиток, поднялся на ноги.

— Выйдем на воздух, — позвал он гостя на открытую террасу.

Шон Линц прошёл следом и позволил себе лёгкую гримасу недовольства, когда по глазам резанули яркие лучи зависшего в зените солнца. Ирландец снял очки и сунул футляр с ними в карман, а взамен вытащил новый. Он несколько раз моргнул, потом надел очки с линзами, куда более толстыми и слегка затемненными.

- Великолепное зрелище, не правда ли? — спросил Витштейн, отпив кофе.

Вид с верхнего этажа отеля и в самом деле открывался завораживающий. Крытые черепицей крыши старых домов, золочёные шпили замков, серая стена заводской окраины. Медленные дирижабли в дымном небе, миниатюрные фигурки прохожих на земле.

Но убийца промолчал.

— Почему вы отказываетесь от всего этого? — поинтересовался иудей, обводя вокруг себя рукой с фарфоровой чашечкой. — Вы ведь слепы как крот, так почему надеваете очки только лишь... по особым случаям? Почему не носите их постоянно? Вас не привлекает красота этого мира?

Ирландец лишь пожал плечами. Авраам Витштейн даже решил, что не дождётся ответа вовсе, но убийца вдруг развернулся к нему и улыбнулся.

— Пыль и грязь, — сказал он. — Везде и всюду. Вы просто этого не замечаете.

— В самом деле?

Линч провёл пальцем по каменным перилам и протянул руку банкиру.

— Пыль и грязь, — повторил он, подразумевая оставшийся на бледной коже след. — Сажа и копоть. Голубиное дерьмо. Просто дерьмо и мусор. Прыщи, бородавки, язвы и шрамы. Без очков я всего этого не вижу. Без очков я вижу лишь то, что хочу видеть. И вот тогда мир действительно прекрасен. В моей голове.

— В этом есть определённая логика, — кивнул иудей и сразу, без какого-либо перехода спросил: — Ваша... организация подтвердила получение платежа?

Линч кивнул. Потом спросил:

— Кто?

— Майкл Смит.

— Англичанин?

— Из Нового Света. Найдёте его в «Трёх листках».

Ирландец знал этот игорный дом на окраине китайского квартала, поэтому сразу перешёл к делу.

— Фотоснимок? — уточнил он.

— В этом нет необходимости, — ответил банкир, наблюдая за суетой на площади императора Климента. — Узнаете его с первого взгляда. Он носит рыжий котелок и клетчатый пиджак. Клетчатый! Жёлтый с красным. Второго такого не отыщите во всём Новом Вавилоне, если только не решите вдруг пошить на заказ!

— Что ещё мне нужно знать?

— Смит снимает апартаменты на верхнем этаже игорного дома, при себе постоянно держит трёх охранников. На улице его караулят ещё двое.

— Он опасается покушения?

— Он возомнил себя Королём Шантажа, — недобро улыбнулся Авраам Витштейн. — Как думаете, опасается он покушения? Что-то ещё?

— Пожалуй, нет.

— Тогда не буду вас больше задерживать.

Когда носатый иудей-охранник вывел ирландца из пентхауса, тот сразу снял очки и промокнул носовым платком выступившие в уголках бесцветных глаз слезинки. Лифт спустил его на первый этаж, убийца покинул отель, а на улице вновь по глазам резанули острые лучи солнца. Но надевать очки Линч не стал, вместо этого достал из кармана сложенный надвое картуз и встряхнул его, расправляя. Нацепил на голову и зашагал через площадь, на ходу обдумывая полученный заказ.

А подумать было о чём. Он работал с Витштейном не первый раз, но цель прибыла из Нового Света, а в тамошнем преступном мире давно то тлел, то разгорался открытым пламенем конфликт между ирландцами и выходцами из Италии. «Чёрная рука» и «Белая рука» с переменным успехом резали друг друга уже больше десяти лет, и всем было известно, что иудеи примкнули к итальянцам.

Иудейский банкир нанял ирландского убийцу для устранения конкурента из Нового Света? Едва ли полиция всерьёз станет рассматривать эту версию, если вдруг что-то пойдёт не так. Быть может, всё дело именно в этом? Что если Витштейн просто решил подстраховаться на случай ошибки исполнителя?

Шон какое-то время обдумывал это предположение, затем передёрнул плечами и выкинул его из головы. Не важно, насколько сложный заказ он получил; важно, что деньги уплачены. А попадаться... попадаться он не собирался в любом случае.

Но дабы всё прошло без сучка, без задоринки для начала требовалось осмотреться на месте, этим ирландец и решил заняться. Только заскочил сначала домой.

Игорный дом «Три листка» занимал трёхэтажный каменный особняк на китайской стороне Максвелл-стрит. Максвелл-стрит — так называли улицу люди с противоположной стороны; как называли её выходцы из Поднебесной, никого никогда не интересовало.

Особняк был добротный и стоял наособицу от ближайших домов, поэтому злоумышленники не могли перебраться на него с крыш соседних строений. Задний двор был обнесен высоким забором с загнутыми наружу пиками, окна первого этажа закрыли решётками. Сами рамы сняли из-за летней жары, и лёгкие занавески слабо колыхались под лёгкими дуновениями раскаленного воздуха.

Шон Линч перешёл через затянутую дымом улицу, едва не угодив при этом под копыта лошадей. На крики возницы почтовой кареты ирландец не обратил никакого внимания, как не обратил внимания на разгоревшуюся неподалёку свару. Все его мысли занимало предстоящее дело.

У крыльца игорного дома убийца стянул с головы картуз и убрал его в пухлый саквояж, который захватил с собой из дома. Пройти через вышибал на входе проблемой не стало, Линч просто подбросил на ладони стопку пятифранковых монет, и громилы расступились в стороны, освобождая проход.

Шагнув через порог, Шон Линч сразу достал из кармана футляр с очками, но только нацепил их на нос и быстро снял. С момента последнего визита в «Три листка» газовые рожки заменили электрическими лампами, и от яркого освещения невыносимо заломило глаза.

Ирландец выставил саквояж на журнальный столик, щёлкнул латунной застёжкой и вынул из бокового кармашка пустое пенсне. Тонкие пальцы пробежались по линзам алхимического стекла, выбрали нужную, воткнули в оправу. Электрический свет враз перестал резать глаз, теперь раздражал лишь переизбыток красного в интерьере. Но возиться со светофильтрами, рискуя привлечь к себе внимание, Линч не стал, и прошёл в игорный зал.

До вечера было ещё далеко, и всё же игроков за столами оказалось совсем не мало. Рулетку оккупировали несколько невысоких желтолицых китайцев, напыщенных и важных, двое невесть что позабывших здесь мавров и компания подвыпивших парней неопределённого рода деятельности.

Ставка обернулась проигрышем десяти франков, но Линч этому нисколько не расстроился и перешёл в карточный зал. Там-то он и увидел клетчатый пиджак.

Кирпично-оранжевый с красным он висел на спинке стула, а крепкого сложения господин средних лет в столь же пёстрой жилетке и сиреневой сорочке с закатанными рукавами выстраивал перед собой аккуратные стопки фишек. Тут же лежали банкноты и монеты. Играли в покер.

Один охранников стоял за спиной нанимателя, второй подпирал плечом стену и внимательно наблюдал за входной

дверью, последний из троицы телохранителей сидел в дальнем углу, на коленях его лежала газета, и загнувшийся краешек листа открывал ствол пистолета.

Линч не собирался рисковать и действовать наобум, он со спокойной улыбкой занял место на противоположной стороне стола и какое-то время потихоньку спускал деньги, а когда Смит закончил игру и поднялся со стула, быстро поднёс к лицу заранее приготовленную линзу. Глаз немедленно наполнился слёзами, но надпись на бирке клетчатого пиджака ирландец разглядел.

«Галахам и сыновья, Нью-Йорк», — а большего ему и не требовалось. Впрочем, если разобраться, Линчу не требовалось даже этого, он просто привык действовать наверняка.

Клетчатые пиджак и жилетка в тон — этого будет достаточно при любом раскладе.

Смит ушёл; ирландец тоже задерживаться за столом не стал. Он успел увидеть, как англичанин в сопровождении охранников поднимается по центральной лестнице на второй этаж, и без лишней спешки прошёлся по коридору, внимательно поглядывая по сторонам.

Подходящее место Линч заметил почти сразу. Его внимание привлекла небольшая ниша с креслом на полпути от входной двери. Там ирландец развернулся и, считая про себя шаги, вернулся к лестнице. Тридцать девять шагов по прямой — дистанция показалась ему вполне приемлемой.

После этого ирландец отправился в бар и попросил налить джин-тоника, сделал небольшой глоток и вернулся обратно в коридор. Проходя мимо лестницы, Линч незаметно сунул за перетянувший портьеру золочёный шнур синенькую пятифранковую банкноту с Александрой Вольтой, дошёл до ранее примеченного кресла и уселся в него, устроив саквояж на коленях. Бокал с коктейлем поставил на подлокотник.

Когда мимо прошёл подвыпивший военный моряк в обнимку с девицей лёгкого поведения, Линч быстро огляделся и достал из саквояжа сразу три линзы. Через одну заткнутая за шнур банкнота показалась сиреневой, каковой она и смотрелась на багряном фоне портьеры, через вторую — серой, последняя убийцу так же не удовлетворила. Цвет бордовой драпировки через неё показался слишком насыщенным, он забивал собой все остальные оттенки. Линч вытащил очередной набор стёкол; не вызвало нареканий лишь шестое стекло. На всякий случай ирландец проверил ещё четыре, прежде чем убедился, что лучшего результата уже не достичь, и сунул линзы обратно в саквояж.

После этого Линч допил коктейль, позволил грудастой

разносчице с неприлично глубоким декольте забрать бокал, выдернул из-за шнура пятифранковую банкноту и покинул игорный дом. Всё что требовалось для дела, он уже узнал.

Задерживаться в китайском квартале Шон Линч не стал, сразу спустился в подземку, запрыгнул в вагон с нещадно дымившим паровозом и покатил на площадь Лодыгина, где, насколько он помнил, располагалось ближайшее отделение суконной конторы Пантелеева.

В отличие от многих соотечественников русский приказчик разговаривал не только на родном языке, он выслушал заказчика и сразу провёл его в угол с рулонами английской клетчатой ткани всевозможных тонов и расцветок.

— Выбирайте, — обвёл продавец рукой товары, — у нас самый широкий в городе ассортимент. Ваш Галахам не найдёт ткань лучше!

Ирландец внимательно изучил материал и попросил отпустить отрез.

— Покажу заказчику, — пояснил Шон Линч, доставая бумажник.

Кирпично-жёлтая и красная клетка соответствовала расцветкам пиджака Смита целиком и полностью. В том, что касалось цветов, ирландец не ошибался никогда; это было одним из проявлений его таланта сиятельного.

Получив образец нужной материи, убийца покинул лавку и досадливо поморщился, когда лучи начавшего клониться к закату солнца посветили прямо в глаза. Пришлось достать из саквояжа очки с затемненными линзами.

Домой Линч отправился пешком, благо жил неподалёку: на самой границе беспокойного района, заселённого выходцами из Восточной Европы — поляками и русскими, и «зелёного» квартала, где проживали преимущественно ирландцы.

Окон в длинном полуподвальном помещении, которое снимал Линч, не было. Он самолично забил их досками, предварительно натолкав к рамам старого тряпья. Лишнего шума он не любил, а естественному освещению предпочитал тёплое мерцание газовых рожков.

Задвинув засов, ирландец с облегчением ослабил шейный платок, напился воды из кувшина со сколотой эмалью и отпер хитрый врезной замок кладовки. Не без труда он выволок оттуда фанерный чемодан, осторожно уложил его на стол и откинул крышку. Внутри оказалось три обтянутых бархатом поддона с ровными рядами линз алхимического стекла, отсортированных по

диоптриям и цветам.

Шон Линч закрепил на дощатой перегородке отрез клетчатой ткани, отсчитал тридцать девять шагов, выставил на нужное место табурет и нацепил на нос очки, но не простые, а с хитрыми окулярами, в каждый из которых при желании можно было поместить сразу несколько стёкол.

Для начала убийца нивелировал разницу в освещении, вставив в окуляры линзу, через которую разглядывал пятифранковую банкноту. Свет газовых рожков сразу приобрёл явственный голубоватый оттенок, а кирпично-жёлтая и красная клетка отреза стала казаться ещё более вызывающе яркой.

После этого Линч принялся менять линзы с диоптриями в правом окуляре до тех пор, пока клетки пёстрой ткани не налились безжалостной резкостью, став реальней всей остальной обстановки. Тогда убийца повторил те же манипуляции с левым глазом и отложил линзы на бархатную тряпочку, после промокнул слёзы платком.

Несколько раз моргнув, ирландец какое-то время стоял с закрытыми глазами, а затем вставил в оправу пару дымчатых линз, и комнату сразу заволокла серая дымка, словно начался пожар и всё кругом заполонил густой дым. Следом пришёл черёд цветных стёкол. Линч менял линзы перед правым глазом до тех пор, пока клетчатая ткань не загорелась алым сиянием раскалённого металла. Удовлетворившись достигнутым результатом, он начал работать с более тонким кирпичным оттенком. Приходилось комбинировать две разных линзы, и по мере их подгонки друг к другу красные клетки на отрезе тускнели, зато оранжево-жёлтые наливались тёплым мягким огнём.

Под конец убийца вставил в окуляры оба финальных набора. На какой-то миг перед глазами у него всё поплыло, а когда зрение прояснилось, цвета в комнате посерели и выцвели, лишь светился красным и оранжевым отрез клетчатой ткани.

Линч болезненно поморщился, снял очки и отложил их на стол. Подготовка к вечернему выходу в свет только начиналась.

Натянув кожаные перчатки, ирландец вынес из кладовки вместительный саквояж из толстой кожи и переложил в него три наглухо закупоренные стеклянные бутылки, не забыв предварительно стереть с них свои отпечатки пальцев. Дальше пришёл черёд каучуковой маски с ремешками и шлангом-«хоботом» из прорезиненного брезента. Подготовленные наборы линз убийца вставил в пустые окуляры маски, затем приложил её к лицу и до упора затянул на затылке ремешки.

Желая убедиться, насколько плотно каучук прилегает к коже, зажал шланг рукой, и как ни силился сделать вдох, — не смог.

Тогда Шон Линч присоединил к шлангу увесистый баллон со сжатым воздухом, приоткрыл вентиль и успокоил дыхание. Всё работало как часы, дело оставалось за малым — подобрать оружие.

На этот раз ирландец решил использовать автоматический пистолет Веблей-Скотт модели тысяча восемьсот семьдесят пятого года. Помимо него вынес из кладовки купленный по случаю карманный револьвер, пару пустых магазинов и пачку патронов тридцать второго калибра.

Снарядив магазины, Линч вынул из картонной коробки пять патронов, гильзы которых помимо проточки для выбрасывателя имели и закраину, и один за другим вставил их в пустые каморы барабана. Револьвер сунул в карман пиджака, после вскрыл упаковку полученной на днях посылки. Под грубой бумагой обнаружилась коробка с надписью «MAXIM Silencer», а в ней — пересылочная туба с жестяной крышкой.

Стоило снять её, и в ладонь ирландцу выпал увесистый металлический цилиндр с отверстием посередине. «Глушитель Максима» убийца отложил на стол и вытряхнул из тубы дополнительно заказанный переходник на ствол. Установка его много времени не заняла, и хоть баланс оружия после этого ощутимо сместился в сторону ствола, Линч приобретением остался доволен. Покупка с почтовой доставкой сего устройства обошлась в шестнадцать франков, но эти деньги он рассчитывал отбить до последнего цента.

Взяв один из снаряжённых магазинов, Шон воткнул его в рукоять пистолета, передёрнул затвор и ухватил Веблей-Скотт двумя руками. Прицелился в угольную отметину на деревянной стенке кладовки, потянул спуск, и тотчас оружие дрогнуло, хлопнул выстрел. Но хлопнул — едва ли не в два раза тише обычного. Производитель не обманул.

Ещё выстрел, затем ещё один! С глушителем оружие слегка низило, пулевые отметины пришлись в доски на пару сантиметров ниже угольной метки. Сделать поправки не составляло никакого труда.

После пристрелки Линч разрядил пистолет, вставил в него новый магазин и убрал в саквояж к маске, бутылкам и баллону сжатого воздуха.

Теперь он был готов.

Зной к вечеру спал, но мостовые и стены домов щедро делились накопленным за день теплом, на улице было

нестерпимо душно. Асфальт проминался под ногами и лип к подошвам ботинок, на каждом углу стояли палатки с газированной водой и сидром. Дамы прохаживались под лёгкими зонтиками, словно те могли уберечь их от жары; взмыленные лошади из последних сил тянули за собой экипажи. И лишь самодвижущейся коляске было всё нипочём: под размеренные хлопки порохового двигателя она промчалась через перекрёсток и в один миг скрылась в мареве раскалённого воздуха и смога.

Ирландец проводил полицейский броневик долгим взглядом, перебежал через проезжую часть и уверенно поднялся на крыльцо игорного дома. Там быстро прошёлся по всем залам, проигрывая в каждом по пять-десять франков, а потом состроил хмурое выражение лица и двинулся на выход.

Смита на первом этаже не оказалось, и это всё упрощало.

На улице Линч сразу свернул в боковой проход, но до задворок «Трёх листков» не дошёл. Перебраться через высокую ограду с пиками нечего было и рассчитывать, поэтому убийца сорвал крышку с одной из бутылок, и уверенным броском отправил стеклянный сосуд в распахнутое окно второго этажа. Негромко звякнуло, на улицу повалили клубы едкого серого дыма.

Ирландец подпрыгнул и втолкнул вторую ёмкость меж прутьев решётки на окне первого этажа. Тут же раздался женский визг, пронзительный и полный страха; счёт пошёл на секунды. Убийца перешёл на бег, зашвырнул в игорный дом последнюю бутылку и подхватил панический крик:

— Пожар!

Пожар! Пожар! Пожар!

Когда Шон выскочил к парадному входу, туда со всех сторон уже сбегались привлечённые шумом прохожие, а вышибалы кашляли и тёрли слезящиеся глаза, надышавшись вонючего дыма — безвредного, но крайне едкого.

Взлетев по ступеням, Линч беспрепятственно миновал охрану и, предусмотрительно задержав дыхание, ступил в задымлённый коридор. Навстречу попался кто-то из публики, следом пронеслась беспрестанно кашлявшая разносчица. Ирландец пропустил их и побежал по коридору, стремясь укрыться в облюбованной нише, прежде чем на улицу ринутся остальные посетители.

— Пожар! — кричали уже на все лады, где-то вдалеке затрезвонил колокол пожарной гвардии.

Линч перескочил через кресло и укрылся за портьерой. Там натянул на лицо маску, и висевшая в воздухе пелена сразу потеряла свою непроницаемость, а приоткрытый вентиль баллона

позволил наполнить лёгкие чистым воздухом. Глаза немного пощипывало, но и только.

Тогда Шон достал Веблей-Скотт и снял его с предохранителя, а миг в коридор хлынули спешившие на выход посетители. Паникующая толпа помчалась мимо его укрытия; толкаясь и мешая друг другу, люди спасались бегством едва ли не вслепую.

Бесцветно-серые фигуры убийцу не заинтересовали. Смита среди них не было.

По крайней мере, ирландцу хотелось думать, что жертва не была застигнута тревогой со спущенными штанами на местной гулящей девке и не спасалась бегством, позабыв о приличиях и, что гораздо важнее, — об одежде. Но даже если и так — с верхних этажей пока ещё никто не спускался, лишь вывалился с лестницы какой-то судорожно-кашлявший толстяк. Следом сбежала тройка весёлых девиц; они с визгом промчались мимо приютившей убийцу ниши в одном исподнем.

Шон Линч даже не взглянул на их прелести и правильно сделал: миг спустя в коридор шагнул крепкого сложения парень с револьвером в руке. Дым ещё больше сгустился, даже через алхимические стёкла ирландец разглядел лишь размытый силуэт и скорее угадал, нежели различил, что громила прикрыл низ лица какой-то тряпкой. Да ещё оружейная сталь характерно блестела в свете электрического освещения.

За первым охранником появилась пара его коллег; они поддерживали под руки грузную и обмякшую фигуру. Смита.

Ирландец не гадал, он знал это наверняка. Пиджак жертвы горел для него кирпичным и красным. Линзы алхимического стекла позволили проникнуть за дымовую завесу и высветили цветную клетку; взгляд убийцы сфокусировался на цели.

Без этого в заполонившем игорный дом дыму Шон Линч никогда бы не рискнул стрелять с такой дистанции, пришлось бы сокращать дистанцию и ввязываться в непредсказуемую перестрелку.

Устроить бойню в узком коридоре мог любой уличный головорез; ирландцу платили вовсе не за это.

Охранники потащили Смита по коридору, и убийца поднял перехваченный двумя руками пистолет. Клетки пиджака жертвы своей невыносимой резкостью отпечатались на сетчатке его бесцветных глаз. Сиятельный видел цель, а талант и алхимические линзы позволяли оценить разделявшее их расстояние. Большего не требовалось.

Указательный палец утопил спусковой крючок, Веблей-Скотт дёрнулся, и сразу у Смита подломились ноги и он начал оседать

на пол, повисая на руках телохранителей. Сам выстрел грохнул не слишком сильно и затерялся в царившем кругом гвалте, охранники даже не поняли, что произошло, и уж тем более на него не обратили внимания толпившиеся на улице зеваки.

Затвор с лязгом вернулся на место и дослал новый патрон, Линч выстрелил вновь. К этому времени геометрию кирпичных и красных клеток нарушило растекавшееся по ткани пятно алой крови, но убийца вновь не промахнулся.

Задыхавшиеся в дыму охранники слепо тянули за собой подстреленного клиента, тот коленями скользил по полу, голова с глубокой залысиной упала на грудь. Шон поднял прицел, отправил последнюю пулю в плешивую макушку и сразу рванул на выход.

Когда телохранители заподозрили неладное, убийца уже сорвал с лица маску, сунул её вместе с пистолетом в саквояж и выскочил на улицу. Опухшие глаза слезились, а лицо покраснело, он ничем не отличался от бедолаг, выбегавших из дома до того. Никто не обратил на стрелка никакого внимания, никому и в голову не пришло его задержать. Выстрелов на улице просто не расслышали, всё заглушил гомон толпы, крики и жалобы пострадавших да звон пожарного колокола.

Шон Линч быстро протолкался через зевак, перебежал через дорогу и скрылся во дворах. К тому времени, когда на место преступления прибыла полиция, он был уже далеко.

Сразу домой ирландец не пошёл. Вместо этого прогулялся по набережной, с наслаждением вдыхая свежий воздух, напился воды из уличного фонтанчика, там же умылся, прогоняя неприятную резь в глазах. Потом перешёл через Ярден, постоял посреди реки у новой вставки в ограждение моста Эйлера, разбросал детали разобранного пистолета. И только после этого отправился к себе.

Шон Линч уже отпер дверь и шагнул в подвал, когда подсознательным наитием уловил некую неправильность. Он тотчас замер на месте и сунул руку в карман с револьвером. В комнате витал тонкий аромат дорого табака. Нет, никто не курил там в отсутствие хозяина, подобным образом пахла одежда курильщика. Столь лёгкий запах способен уловить лишь тот, кто не курит сам.

Ирландец не стал выяснять, кто именно и зачем поджидает его внутри, быстро развернулся и замер, наткнувшись взглядом на четыре бездонных провала ружейных стволов десятого калибра.

— Брось! — потребовала смазанная фигура, слегка качнув

лупарой.

Шон послушно разжал пальцы, револьвер упал под ноги, с глухим стуком ударился о коврик и отлетел к стене.

— Развернись! — последовал новый приказ.

Ирландец повиновался и лишь тогда понял, что показалось ему странным в размытой фигуре. Головной убор! Точнее — фуражка. Полицейская фуражка!

Линч едва не застонал от досады в ожидании удара по затылку.

Полицейский! Он должен был догадаться! Если иудеи нанимают ирландца, чтобы никто ничего не заподозрил, они должны быть уверены в его молчании. А продажному полицейскому ничего не стоит навсегда успокоить прихваченного на горячем убийцу.

Ничего не стоит — да, но зачем? Он ведь всё сделал чисто!

— Шагай! — распорядился полицейский.

Шон Линч на негнущихся ногах прошёл в комнату. Там за столом сидел странной наружности господин в лёгком льняном костюме. На полицейского незваный гость нисколько не походил; со своим бледным лицом, напомаженными волосами, заломленными бровями и тонкими губами он скорее напоминал театрального актёра или певца. Точнее — напоминал бы, если б не острый взгляд холодных серых глаз.

Шон Линч превосходно разбирался в цветах, один из оттенков смерти он узнал сразу.

— Присаживайтесь, сиятельный, — разрешил незнакомец, достал пачку «Честерфилда» и закурил. — Присаживайтесь, в ногах правды нет.

— Вы кто? — не слишком вежливо спросил Линч, не двигаясь с места. Раз с ним решили поговорить, он решил воспользоваться своим правом хозяина и узнать о собеседнике как можно больше.

Гость со скучающим видом затянулся, потом выдохнул дым к низкому потолку и соизволил ответить:

— Уверены, что хотите это знать? — Затем он сделал новую затяжку и потребовал: — Сядьте!

Линч послушно опустился на табурет, в первую очередь желая скрыть дрожь в коленях.

— Какой у вас талант, сиятельный? — поинтересовался незнакомец и принялся вынимать из чемодана на столе линзы, смотреть через них и небрежно кидать обратно.

Ирландца передёрнуло, но возмущаться он не стал.

— Я просто вижу, — пояснил стрелок. — Вижу и оцениваю. Цвета, расстояние, скорость движения.

— Хорошо стреляете, надо полагать?

Спина убийцы взмокла от пота, но он лишь беспечно пожал плечами.

— Неплохо. Я служил в армии.

— В Индии, я знаю, — продемонстрировал свою осведомлённость собеседник. — Герой войны.

— Просто исполнял свой долг.

— Господина Смита два часа назад вы тоже во имя долга застрелили? — перешёл незнакомец к делу.

— Это клевета, — быстро ответил Линч, безмерно довольный тем, что не оставил за собой никаких улик. Ни отпечатков, ни оружия, ни свидетелей. Возможно, дело и дойдёт до суда, но прижать его будет нечем. Хороший адвокат не допустит осуждения.

Витштейн? Витштейн будет молчать. Если только это не люди банкира…

Незнакомец покачал головой, затушил сигарету о скатерть и указал на дощатую стену кладовой с угольной меткой и дырами в досках.

— Если эксперты извлекут пули, как думаете, совпадут они с теми, что вырежет коронёр из бедняги Смита?

У ирландца враз пересохло во рту. Об этом он просто не подумал.

— Это ничего не доказывает, — наконец выдавил из себя Линч.

— Этого будет достаточно, чтобы отправить вас на виселицу, — возразил собеседник и побренчал чем-то зажатым в кулаке. — Но я дам вам шанс. Вы устраните одного человека и беспрепятственно покинете Новый Вавилон. Честная сделка, как по мне.

— Честная, — кивнул Шон Линч, до конца не веря в свою удачу. — Кто цель?

— Всему своё время, — объявил странный заказчик и разжал кулак. По столу рассыпались пистолетные патроны, и всё бы ничего, но пули в них блестели полированным серебром…